

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Пересадочная станция

Robert Silverberg. Halfway House (1981). Пер. – В. Вебер. – _

Много позже Олфайри понял, что ради жизни надо отдать жизнь. Тогда он просто думал о том, как остаться в живых.

Он был l'uomo dal fuoco in bocca, человек с огнем во рту. Рак жег ему горло. Говорил он с помощью механического имитатора, но опухоль грозила прокрасться в мозг, еще немного – и Франко Олфайри перестал бы существовать. Поэтому он обратился к помощи Провала.

У него были деньги. Именно они позволили ему войти в дверь, соединяющую миры. Деньги, много денег. Те, кто управлял Провалом, ничего не делали из альтруистических побуждений. Каждый раз на то, чтобы открыть Провал, уходило три миллиона киловатт. Этой энергии могло бы хватить довольно большому городу. Но цена не смущала Олфайри. Деньги вряд ли понадобятся ему, если существа на другом конце Провала не вернут его к жизни.

– Встаньте на эту пластину, – буркнул механик. – Поставьте ноги вдоль красной полосы. Возьмитесь за поручень. Вот так. Теперь ждите.

Олфайри повиновался. Давно уже к нему не обращались в повелительном наклонении, но он простил механику его грубость. Для механика Олфайри был лишь куском дорогого мяса, в котором уже завелись черви. Олфайри вгляделся в зеркальный блеск остроносых черных туфель и крепче сжал ворсистый чехол поручня. Он ждал прихода энергетической волны.

Олфайри представлял, что должно произойти. В Милане двадцать лет назад, когда создавалось европейское энергетическое кольцо, он был инженером. Он понимал механизм действия Провала так же хорошо, как... ну, как любой другой инженер, но не математик. Олфайри оставил инженерную деятельность, чтобы основать промышленную империю, которая простерлась от Альп до голубого Средиземноморья. Тем не менее он продолжал интересоваться достижениями техники и гордился тем, что, придя на завод, мог подойти к любому станку и сказать, что делает рабочий.

Олфайри знал, что энергетическая волна на мгновение создаст особое состояние, которое называлось сингулярным, в естественном виде оно

встречалось лишь в непосредственной близости от звезд в последние мгновения их жизни. Коллапсирующая звезда, бывшая сверхновая, создает вокруг себя искривление пространства, тоннель в никуда, черную дыру.

Сжимаясь, звезда своими размерами приближается к сфере Шварцшильда, по достижении которой черная дыра поглощает ее. На подходе к критическому диаметру время для умирающей звезды течет гораздо медленней, но ускоряется до бесконечности, когда звезда поймана и заглатывается черной дырой. А если там находится человек? Он тоже проскальзывает сквозь черную дыру.

Гравитационные силы невообразимой величины сминают его, он превращается в точку с нулевым объемом и бесконечной плотностью, а затем выбрасывается неизвестно куда.

В этой лаборатории не было умирающих звезд. Но за соответствующую цену тут могли имитировать одну из них. Лиры Олфайри оплачивали искривление пространства и создание крошечного тоннеля, достаточного для того, чтобы протолкнуть его туда, где сходятся сопряженные пространства и можно найти лекарство от неизлечимых болезней.

Олфайри ждал; подтянутый, энергичный мужчина лет пятидесяти, с редкими волосами, в твидовом костюме, купленном в Лондоне в девяносто пятом году, серо-зеленый галстук, на пальце перстень с небольшим сапфиром.

Он не почувствовал, как пришла волна, пространство раскрылось, и Франко Олфайри исчез в зияющем водовороте.

– Это Пересадочная станция, – сказал гуманоид по имени Вуор.

Олфайри огляделся. Внешне ничего не изменилось. Он стоял на такой же пластине, держась за ворсистый поручень. Те же прозрачные стены лаборатории. Но сквозь одну из них на него смотрел инопланетянин, и Олфайри понимал, что находится на другом конце Провала.

Выражение лица гуманоида ничего не говорило Олфайри. Щелочка рта внизу, две щелочки глаз повыше, никаких признаков носа, лишь зеленоватая гладкая кожа, мощная шея, переходящая в треугольное бесплечее тело, веревкообразные конечности. Олфайри приходилось иметь дело с инопланетными существами, и вид Вуора не испугал его, хотя ему и не доводилось встречаться с представителями именно этой цивилизации.

Олфайри покрылся потом. Пламя жгло горло. Боль все нарастала.

– Как скоро я смогу получить помощь? – спросил он.

– Что с вами?

– Рак горла. Вы слышите мой голос? Это машина. Гортани уже нет. Опухоль съедает меня заживо.

Глаза-щелочки на мгновение сомкнулись. Щупальца переплелись. Это могло означать и симпатию, и презрение, и отказ. Пронзительный резкий голос Вуора ответил на вполне приемлемом итальянском.

– Вам известно, что тут мы вам ничем не можем помочь? У нас всего лишь Пересадочная станция. Мы определяем что кому нужно и отсылаем дальше.

– Знаю, знаю. Вот и отправьте меня туда, где лечат рак. Мне отпущено не так уж много времени. Я страдаю и еще не готов умереть. На Земле у меня полно работы. Capisce?

– Что вы делаете, Франко Олфайри?

- Разве мое досье не прибыло?
- Оно у нас. Расскажите мне о себе.

Олфайри пожал плечами. Он отпустил поручень, с сожалением отметив, что Вуор не предложил ему сесть.

– Я руковожу промышленной компанией, вернее компанией, владеющей контрольными пакетами акций других компаний. «Олфайри эс-эй». Мы делаем все. Строим энергосистемы, утилизируем отходы производства, создаем роботов. Занимаемся преобразованием обширных территорий. В наших отделениях работают сотни тысяч людей. Мы не просто компания, которая делает деньги. Мы строим новый мир. Мы... – Олфайри замолчал, поняв, что говорит, как сотрудник отдела рекламы, хотя речь шла о его жизни. – Это большая, важная, приносящая пользу компания. Я основал ее. Я ею управляю.

- И вы очень богаты. Поэтому вы хотите, чтобы мы продлили вашу жизнь?

Вам известно, что нам всем вынесен смертный приговор. Для одних он приводится в исполнение раньше, для других – позже. Хирурги Провала не могут спасти всех. Число страждущих, что вызывают о помощи, бесконечно, Олфайри. Скажите мне, почему спасти надо вас?

Олфайри охватил гнев. Но он не дал воли чувству.

– Я – человеческое существо, у меня жена и дети. Это недостаточно убедительная причина, а? Я так богат, что могу заплатить за лечение любую цену. Не важно? Разумеется, нет. Хорошо, давайте так. Я – гений. Как Леонардо. Как Микеланджело. Как Эйнштейн. Вам знакомы эти имена? Отлично.

Я такой же гений. Я не рисую, не сочиняю музыку. Я планирую. Я организую.

Я создал величайшую корпорацию Европы. Я соединял компании, и вместе они делали то, о чем поодиночке даже не мечтали. – Олфайри взгляделся в зеленую маску инопланетянина за прозрачной стеной. – Технология, впервые позволившая Земле войти в Провал, разработана моей компанией.

Энергетические установки – мои. Я построил их. Я не хвастаю. Я говорю правду.

- Вы говорите, что заработали на этом много денег.

– Нет, черт побери! Я говорю, что создал то, чего не существовало раньше, нечто полезное, важное не только для Земли, но и для других миров, встречающихся здесь. И мой созидательный заряд не иссяк. У меня есть новые идеи. Мне нужно еще десять лет, а у меня не осталось и десяти месяцев.

Можете вы взять на себя ответственность, обрекая меня на смерть? Можете вы позволить выбросить все, что еще есть во мне? Можете?

Звук его механического голоса стих. Олфайри оперся о поручень.

Маленькие золотистые глаза в узких щелочках бесстрастно рассматривали его.

- Мы объявим вам наше решение, – после долгого молчания сказал Вуор.

Стены лаборатории потемнели. Олфайри мерил шагами небольшое помещение.

Предчувствие поражения вызывало горечь, но почему-то он не злился на то, что проиграл. Волнения остались позади. Они позволят ему умереть. Они скажут, что он выполнил свой долг, создав корпорацию. Все это весьма

прискорбно, но они должны учитывать нужды более молодых, мечты которых еще не воплотились в реальность. К тому же скорее всего они подумают, что он недостоин спасения, потому что слишком богат. Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богачу обрести новую жизнь под ножом хирурга другой планеты. И все же он не собирался сдаваться.

В ожидании смертного приговора Олфайри думал о том, как проведет последние месяцы жизни. Естественно, он будет работать до самого конца.

Сначала – проект теплоснабжения Шпицбергена, да, это первоочередная задача, а потом...

Стены вновь сделались прозрачными. Вуор вернулся.

– Олфайри, мы направляем вас на Хиннеранг, где вам удалят опухоль и восстановят поврежденные ткани. Но за это придется заплатить.

– Сколько угодно! Триллион лир!

– Не деньгами, – ответил Вуор. – Работой. Пусть ваша гениальность послужит нам на пользу.

– Скажите мне как!

– Вам известно, что сотрудниками пересадочной станции являются представители различных цивилизаций. В настоящее время среди нас нет землянина. Скоро на станции появится вакансия. Вы заполните ее. Проявите здесь ваш организаторский талант. Проведете среди нас пять лет. Потом сможете вернуться домой.

Олфайри задумался. Ему не хотелось потерять целых пять лет. Слишком многое связывало его с Землей. И останься он на Пересадочной станции, кто возьмет на себя бразды правления его компаниями? Может оказаться, что, вернувшись, он останется не у дел.

Тут Олфайри осознал абсурдность своих мыслей. Вуор предлагал ему двадцать, тридцать, пятьдесят лет жизни. Стоя на краю могилы, он не имел права цепляться за пять лет, которые требовали его благодетели. Обращаясь с просьбой продлить ему жизнь, Олфайри поставил на карту свои уникальные административные способности. Что удивительного в том, что на Пересадочной станции захотели воспользоваться ими?

– Согласен, – кивнул Олфайри.

– Вы получите также и денежное вознаграждение, – добавил Вуор, но последнее волновало Олфайри меньше всего.

Бесконечное число миров встречалось в Провале, как и в любой точке пространства – времени. Однако только Провал позволял осуществить переход из одного мира в другой благодаря имеющимся там механизмам. Паутина тоннелей мгновенного перемещения пронизывала структуру Пространства. А Пересадочная станция являлась ее центром. Тот, кому удавалось убедить диспетчеров в том, что он имеет право на транспортиацию, оказывался на нужной ему планете.

Бесконечность есть бесконечность. Тоннели открывали доступ в мир, свободный от материи, туда, где живые существа молодели с каждым днем и не знали, что такое старение.

И существовали миры, не известные сынам Адама, населенные гуманоидами, чьи головы располагались между плеч, а рот – на груди,

одноногими и одноглазыми, со столь маленькими ртами, что им приходилось кормиться через соломинку. А еще были планеты с амебоподобными разумными существами, планеты, где перевоплощение считалось доказанным фактом, планеты, где мечты, словно по мановению волшебной палочки, тут же становились реальностью. Бесконечность есть бесконечность. Но для практических целей лишь две-три дюжины планет представляли какой-либо интерес, так как их связывали общие цели и пути развития.

На одной из них умелые хирурги могли излечить пораженное раком горло.

Со временем методику операции передали бы на Землю в обмен на что-то не менее ценное, но Олфайри не мог ждать. Он заплатил назначенную цену, и диспетчеры Пересадочной станции отправили его на Хиннеранг.

И снова Олфайри не почувствовал, как черная дыра заглотила его. Он любил новые впечатления, и ему казалось несправедливым, что человека сжимают до нулевого объема и бесконечной плотности, а потом он не может передать свои ощущения. Но изменить он ничего не мог. Вновь для Олфайри создали умирающую звезду и тоннель черной дыры вынес его в точно такую же лабораторию на Хиннеранге.

Там по крайней мере Олфайри видел, что находится на другой планете.

Красноватый солнечный свет, четыре луны в ночном небе, сила тяжести вдвое меньше, чем на Земле. Казалось, он может подпрыгнуть и сорвать с неба один из четырех плывущих по нему бриллиантов.

Хиннерангийцы, невысокие угловатые существа с красновато-коричневой кожей и волокноподобными пальцами, раздваивающимися в каждом сочленении так, что на конце образовывался пушистый венчик извивающихся нитей, говорили низким шепотом, а их слова напоминали Олфайри язык басков. Однако маленькие приборчики мгновенно переводили непонятные звукосочетания на язык Данте, если у хиннерангийцев возникала необходимость общения с пациентом. Переводные устройства произвели на Олфайри гораздо большее впечатление, чем сам Провал, его механизм действия представлялся ему достаточно простым.

– Сначала мы избавим вас от боли, – сказал хирург.

– Блокируете мои болевые центры? – спросил Олфайри. – Перережете нервные пучки?

Ему показалось, что хирурга позабавили его вопросы.

– В нервной системе человека нет болевых центров. Есть лишь рецепторы, которые принимают и классифицируют нервные импульсы, поступающие от различных органов. А затем реагируют в соответствии с модальностью полученного сигнала. «Боль» – всего лишь обозначение определенной группы импульсов, не всегда неприятных. Мы изменим контролирующий орган, который принимает эти импульсы, так, что они не будут ассоциироваться с болью. Вся информация по-прежнему будет поступать в мозг. Но то, что вы чувствуете, уже не станет ощущаться как боль.

В другое время Олфайри с удовольствием обсудил бы с хирургом нюансы хиннерангийской болевой теории. Теперь его вполне устроило то, что они могли загасить огонь, бушующий в его горле.

И действительно, боль исчезла. Олфайри лежал в люльке из какого-то клейкого пенообразного материала, пока хирург готовился к следующему шагу – удалению поврежденных тканей, замене клеточного вещества,

восстановлению пораженных опухолью органов. Олфайри свылся с блестящими достижениями техники, операции же хиннерангийцев представлялись ему чудом. Вскоре от его шеи осталась лишь тоненькая полоска кожи. Казалось, еще одно движение луча – и голова Олфайри отделится от тела. Но хирурги знали свое дело.

Когда операция закончилась, он мог говорить сам, без помощи вживляемого прибора. Олфайри вновь обрел гортань, голосовые связки. И сердце его гнало кровь по новым органам.

А рак? С ним покончено?

Хиннерангийцы не успокоились. Они охотились за дефектными клетками по всему телу Олфайри. Он увидел, что колонии раковых клеток обосновались в его легких, почках, кишечнике. Он увидел, как смертельные раны наносятся здоровым клеткам, превращая их в источник беды. Хиннерангийцы потрудились на славу. Они очистили тело Олфайри. Они удалили ему аппендикс и подлечили печень, чтобы она до конца дней справлялась с белым миланским. Потом его послали на отдых.

Он дышал воздухом Хиннеранга и наблюдал за четырьмя лунами, пляшущими словно газели на небе незнакомых созвездий. Тысячу раз в день он прикладывал руку к шее, все еще не веря в тепло вновь обретенной плоти. Он ел мясо неизвестных животных. И с каждым часом набирался сил.

Наконец, Олфайри пригласили в лабораторию, и тем же путем он вернулся на Пересадочную станцию.

– Вы немедленно приступаете к работе, – сказал Вуор. – Теперь это ваш кабинет.

Они находились в овальной комнате с розовыми, излучающими свет стенами.

За одной из них находилась лаборатория, в которую прибывали просители.

Вуор показал, как действует переключатель, открывающий визуальный доступ в лабораторию с любой стороны.

– В чем будут заключаться мои обязанности? – спросил Олфайри.

– Сначала я покажу вам Пересадочную станцию, – ответил Вуор.

Олфайри пошел следом. Ему показалось, что станция представляет собой вращающееся в космосе колесо, разделенное на многочисленные отсеки. Но отсутствие иллюминаторов не позволяло подтвердить или опровергнуть это предположение. Размеры станции не поражали воображение, она не превосходила здания средних размеров. Значительную часть занимала силовая установка. Олфайри хотел было осмотреть генераторы, но Вуор увлек его дальше, к кафетерии, показал маленькую каюту, где ему предстояло жить пять лет, комнату, предназначенную для отправления религиозных обрядов, другие кабинеты.

Инопланетянин явно спешил. В коридорах им встречались молчаливые фигуры – представители пятидесяти цивилизаций. Почти все могли дышать кислородной атмосферой станции, но некоторым приходилось надевать маски, и оттого они казались еще более загадочными. Они кивали Вуору, с любопытством разглядывали Олфайри. «Посланцы народов, – думал Олфайри, – выполняющие обычную работу. И теперь я один из них, мелкий

бюрократ. Но я жив и готов стать бюрократам в доказательство своей благодарности».

Они вернулись в кабинет с розовыми стенами.

– В чем будут заключаться мои обязанности? – повторил Олфайри.

– Вы будете встречать тех, кто прибыл на Пересадочную станцию для того, чтобы попасть на нужную ему планету.

– Но это же ваша работа!

– Была, – ответил Вуор. – Мой срок истек. Моя должность освободилась, и вы займете ее. Как только вы приступите к исполнению своих обязанностей, я уйду.

– Вы говорили, что я буду заниматься административной работой.

Организовывать, планировать...

– Это административная работа. В каждом случае вы должны учесть все до мельчайших деталей. У вас неограниченные возможности. И вы должны объективно оценить, кого послать дальше, а кого отправить назад.

У Олфайри задрожали руки.

– Я должен это решать? Я стану говорить «иди домой и догнивай» или «путь открыт»? Я дам жизнь одному и приговорю к смерти другого? Нет. Мне это не нужно. Я не бог.

– Я тоже, – сухо ответил инопланетянин. – Вы считаете, мне нравится эта работа? Но теперь я могу не думать о ней. Мой срок истек. Я был богом пять лет, Олфайри. Но вот пришел ваш черед.

– Дайте мне любую другую работу. Неужели нельзя поручить мне что-то иное?

– Конечно, можно. Но эта должность подходит вам больше всего. Вы отличаетесь решительностью и не боитесь принимать решения. И еще, Олфайри, не забывайте о том, что вы – мой сменщик. Если вы не согласитесь на эту работу, мне придется остаться до тех пор, пока не найдется подходящий кандидат. Я достаточно долго был богом, Олфайри.

Олфайри молчал, вглядываясь в золотистые глаза-щелочки, и впервые, как ему показалось, смог истолковать их выражение. Боль. Боль Атласа, несущего на себе целый мир. Вуор страдал. И он, Франко Олфайри, мог облегчить эту боль, переложив непомерную ношу на собственные плечи.

– Вашу просьбу удовлетворили, приняв во внимание, что вы согласились поработать на Пересадочной станции. Теперь вы знаете, что вам надо делать.

Это ваш долг, Олфайри.

Олфайри понимал, что Вуор прав. Как бы они поступили, откажись он от предложенной должности? Вернули бы ему опухоль? Нет. Подобрали бы другую работу. А Вуор остался бы в розовом кабинете. Страдающий инопланетянин подарил ему жизнь. И он не мог отплатить злом за добро, хотя бы на час продлив срок Вуора.

– Я согласен, – ответил Олфайри.

И в глазах-щелочках Вуора он явно увидел счастье.

Олфайри пришлось кое-чему научиться, прежде чем он занял розовый кабинет. Он научился. И приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Жил он в одной комнате, а не в роскошных дворцовых апартаментах. Еду готовил компьютер, а не шеф-повар. Работал он много, а отдыхал лишь по нескольку часов. Но он жил. И мог предвкушать будущее, раскинувшееся за пятью годами.

Олфайри сообщил на Землю, что задерживается, но вернется в полном здравии и вновь возглавит свою империю. Он ввел в действие «План А», определяющий порядок управления корпорацией на случай своего длительного отсутствия. Он предусмотрел и такой вариант. Люди, которым он доверял, заменят его на этот срок. У него и так хватало дел.

Просители появлялись один за другим.

Не всем требовалась медицинская помощь, но каждый имел достаточно веские основания для путешествия по Провалу. Олфайри разбирал их просьбы.

Его никто не ограничивал. Он мог отправить всех к желанной планете, если бы счел это необходимым, или вернуть назад. Но первое означало безответственность, второе – бесчеловечность. Олфайри судил. Он взвешивал все «за» и «против» и, удовлетворяя просьбы одних, отказывал другим. Число каналов было большим, но не бесконечным. Иногда Олфайри представлял себя регулировщиком транспорта, иногда – демоном Максвелла. Но в основном думал о том дне, когда сможет вернуться на Землю.

Отказы переносились болезненно. Одни просители впадали в ярость и выкрикивали бессвязные угрозы в его адрес. Другие – спокойно говорили о вопиющей несправедливости с его стороны. Олфайри привык принимать трудные решения, но его душа не успела окончательно загрузеть, и он сожалел о том, что просители относили отказ на его счет. Однако кто-то должен был выполнять эту работу, и Олфайри не мог отрицать, что находится на своем месте.

Естественно, он не был единственным диспетчером Пересадочной станции.

Поток просителей направлялся в разные кабинеты. Но в сложных случаях коллеги приносили решение на его суд, и за ним оставалось последнее слово.

Он знал обо всем. Он контролировал всех просителей. В этом проявлялся его талант организатора.

Пришел день, когда перед ним появился гуманоид с красновато-коричневой кожей, конечности которого заканчивались венчиком извивающихся щупалец, обитатель Хиннеранга. На одно ужасное мгновение Олфайри подумал, что перед ним – хирург, оперировавший его шею. Но сходство оказалось чисто внешним.

Проситель не был хирургом.

– Это Пересадочная станция, – сказал Олфайри.

– Мне нужна помощь. Я – Томрик Хориман. Вы получили мое досье?

– Да, – ответил Олфайри. – Вам известно, что тут мы вам ничем не можем помочь? Мы определяем что кому нужно и отправляем дальше. Расскажите мне о себе.

Щупальца извивались от душевной боли.

– Я выращиваю дома, – начал хиннерангиец. – Я перерасходовал капитал.

Моя фирма под угрозой краха. Если я смогу попасть на планету, где мои дома вызовут интерес, она будет спасена. Я хотел бы выращивать дома на

Мелкноре. Наши расчеты показывают, что там они могут найти широкий спрос.

– Мелкнор не испытывает недостатка в жилищах, – ответил Олфайри.

– Но там любят новизну. Они бросятся покупать. Иначе мою семью ждет разорение, добрый господин! Нас с корнем вырвут из общества. Наказание за банкротство – смерть. Потеряв честь, мне придется убить себя. У меня дети.

Олфайри знал об этом. Как и о том, что хиннерангиец говорил правду.

Если путь на Мелкнор будет закрыт, ему не останется ничего другого, как покончить с собой. Как и Олфайри, на Пересадочную станцию Томрика Хоримана привела смертельная угроза.

Но Олфайри обладал особым даром. А что мог предложить хиннерангиец? Он хотел, продавать дома на планете, которая в них не нуждалась. Он возглавлял одну из многочисленных фирм и к тому же оказался плохим бизнесменом. Он сам навлек на себя беду в отличие от Олфайри, который не напрашивался на раковую опухоль. Да и смерть Томрика Хоримана не стала бы огромной потерей ни для кого, кроме ближайших родственников. К своему сожалению, Олфайри понял, что в просьбе придется отказать.

– Скоро мы объявим вам о нашем решении, – сказал Олфайри.

Он затемнил стены лаборатории и собрал диспетчеров. Они не стали оспаривать мудрость его решения. Поворот переключателя – и перед ним вновь возник хиннерангиец.

– Я очень сожалею, но в вашей просьбе отказано.

Олфайри ждал, какова же будет реакция. Вспышка злобы? Истерические угрозы? Отчаяние? Холодная ненависть? Раздражение?

Нет, он ошибся. Продавец домов лишь спокойно смотрел на него, и Олфайри, который пробыл среди хиннерангийцев достаточно долго, чтобы правильно истолковать их невысказанные чувства, ощутил накатывающийся на него вал печали. Томрик Хориман жалел его, диспетчера Пересадочной станции.

– Простите меня, – сказал хиннерангиец. – Вы взвалили на себя непосильное бремя.

Олфайри потрясла боль, сквозившая в этих словах. Хиннерангиец печалился не о себе, а о нем. И Олфайри едва не пожалел о том, что вылечился от рака. Сострадание Томрика Хоримана оказалось слишком тяжелым для него.

Томрик Хориман сжал поручень и приготовился к возвращению на Хиннеранг.

На мгновение он встретился взглядом с землянином.

– Ваша обязанность принимать решения, кому идти вперед, а кому – назад.

Такая непомерная ответственность. Скажите, как вы согласились взвалить ее на себя?

– Меня приговорили к ней, – ответил Франко Олфайри. – За жизнь мне назначили цену – мою же жизнь. Я никогда не испытывал таких страданий, будучи всего лишь умирающим человеком.

Олфайри нахмурился и, нажав на кнопку, послал Томрика Хоримана на его родную планету.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)